

НЕНАПИСАННАЯ РЕЦЕНЗИЯ А. И. РОММА НА КНИГУ М. М. БАХТИНА И В. Н. ВОЛОШИНОВА «МАРКСИЗМ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА»

*Подготовка текста, публикация, вступительная заметка и примечания
А. Л. Беглова и Н. Л. Васильева*¹

В 1995 г. исполняется сто лет со дня рождения М. М. Бахтина (1895—1975) и В. Н. Волошинова (1895—1936). Самым значительным результатом их странного, загодочного соавторства, оказавшим заметное влияние на общегуманитарную идеологию второй половины века, стала подписанная Волошиновым и затем приписанная Бахтину монография «Марксизм и философия языка»². Однако несмотря на внимание современников — не случайно книгу переиздали уже через год после выхода, — печатных откликов на ее появление было очень немного: нам, во всяком случае, известны лишь три рецензии³. Поэтому всякая живая реакция первых читателей представляет исключительный интерес, но заметок А. И. Ромма, пожалуй, это касается в особенности: из всех развернутых письменных отзывов того времени его незавершенная рецензия кажется наиболее глубокой и оригинальной.

Сколько-нибудь подробное жизнеописание Ромма содержится только во вступительной заметке к описи его фонда в РГАЛИ. Александр Ильич Ромм — филолог, поэт и переводчик, старший брат известного кинорежиссера — родился 5 (18) марта 1898 г. в Петербурге в семье врача. Вскоре после рождения сына семья переехала в Иркутск, куда за участие в революционной деятельности был послан Илья Моисеевич Ромм. В 1904 г. они переехали в Вильно, а с 1907 г. поселились в Москве. В 1916 г. А. И. Ромм окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Московского университета, но через год перевелся на историко-филологический факультет, где (с вынужденными перерывами на службу в Наркомпрод и Наркомпросе) учился до 1922 г. В 1919 г. Ромм стал членом Московского лингвистического кружка (= МЛК), в работе которого принимал самое деятельное участие⁴. В 1922—1923 гг. Ромм предпринял попытку перевести только что появившийся в Москве «Cours de linguistique générale» Ф. де Соссюра, однако по ряду причин не смог довести начатое до конца⁵. Вообще переводы, главным образом художественной прозы и стихов, с течением времени в творчестве Ромма занимали всё большее место, во многом оттеснив сначала филологию, а затем и оригинальное поэтическое творчество⁶. Еще в гимназии Ромм перевел несколько стихотворений Гейне, Шенье, Бодлера. Позднее, в 20-х и 30-х годах, он брался также за Катулла, Овидия, Вийона, Буало, Петёфи, Мицкевича, но эти попытки единичны. В основном в 30-е годы Ромм переводил с языков народов СССР (большой частью с башкирского), а кроме того, специализировался на иностранных поэтах-коммунистах: Эми Сяо, А. Гидаше, И. Бехере, Л. Арагоне и др.⁷ Из переводов прозы стоит отметить романы Золя и Уэллса, «Госпожу Бовари» Флобера и новеллы Мопассана. Особняком стоит неопубликованный перевод «Слова о полку Игореве».

В первые дни войны Ромм был мобилизован и получил назначение в Дунайскую военную флотилию в звании интенданта II ранга. Более двух лет он служил на Черно-

морском флоте, сотрудничая во флотских и местных городских газетах. В 1942 г. в соавторстве с П. Панченко Ромм написал пьесу в стихах «Севастопольцы». Он неоднократно принимал участие в боевых операциях и в августе того же года был награжден орденом Красного Знамени. В 1943 г. он написал письмо Сталину о положении дел на флоте — черновик чудом сохранился⁸. Вскоре после этого письма Ромм был отозван с фронта и переведен на редакторскую работу в тыл. 2 октября 1943 г. в Сочи при не вполне ясных обстоятельствах Ромм трагически погиб: согласно официальной версии, покончил жизнь самоубийством⁹.

Публикуемые ниже заметки, датированные 18 и 19 декабря 1929 г., были, насколько мы знаем, последним опытом Ромма в специально филологическом жанре — в дальнейшем он писал только литературно-критические эссе. Из текста видно, что рукопись представляет собой конспект неоконченной рецензии: характер некоторых помет не оставляет сомнения в том, что свои соображения по поводу «Марксизма и философии языка» Ромм хотел доработать и обнародовать. Надо полагать, что замечания Ромма были сделаны под свежим впечатлением от только что прочитанной монографии — если так, то он познакомился с книгой спустя почти год после того, как она вышла в свет: к этому времени три других рецензии на Волошинова были уже давно не только написаны, но и напечатаны. Знал ли Ромм об их существовании, неясно — во всяком случае, никаких следов знакомства с этими откликами его текст не обнаруживает. Вообще совпадений между рецензиями очень немного: единственное, в чём сходятся все четыре автора, — это слишком большая зависимость Волошинова от лингвистической идеологии Фосслера и, как следствие, недооценка и недопонимание Соссюра¹⁰. Никаких других «параллельных мест» у Ромма и его предшественников нет.

По мнению Ромма, выход лингвистики из методологического кризиса «может состоять лишь» в «диалектическом разрешении антиномии», которую Волошинов увидел и «показал <...> полностью»¹¹. Как утверждал Гумбольдт, «язык есть не продукт (*Ergon*), а деятельность (*Energie*)»¹². «Язык, — возразил Соссюр, — не есть деятельность (*fonction*) говорящего субъекта; язык — это продукт, пассивно регистрируемый индивидуумом»¹³. Так же, как до него Г. О. Винокур, Ромм предпринял попытку примирить Гумбольдта и Соссюра¹⁴. Однако если противопоставление *ἔργον*/*ἐνέργεια* Винокур увидел в дихотомии *langue* vs *parole*, то Ромм и продуктом, и деятельностью полагал как самый язык (= *langue*), так и любое высказывание, «слово» (\approx *parole*; см. примеч. 37): «Нельзя спорить о том, *ἔργον* <sic!> ли язык или *ἐνέργεια* <sic!>. И то и другое <...> То же самое — и в области слова, которое необходимо выделить, к<a>к особое понятие»¹⁵. Соглашаясь с Волошиновым в том, что речевую деятельность структурирует не только говорящий, но и слушающий, Ромм усматривал *ἔργον* языка в том, что собеседник, «другой» на деле оказывается «другими»: ди(а)лог превращается в полилог, участником которого в пределе становится всё общество, весь народ, а формой выражения — язык как законченное целое. *ἔργον* высказывания, по Ромму, очень хорошо заметен в текстах повышенной важности, более или менее сакрализованных: самой историей они вырваны из породившей их ситуации, диалогический их контекст утрачен, и для того, чтобы их понять, их поневоле нужно интерпретировать как законченные монологические высказывания. Ромму чужд антифилологизм «Марксизма и философии языка» с его *argumento ad atheos*: «Первыми филологами и первыми лингвистами всегда и всюду были жрецы»¹⁶. Если мы пожелаем понять классиков марксизма-ленинизма, наш метод, объясняет Ромм, окажется неотличимым от герменевтики святых отцов (см. примеч. 66). Но в том-то и дело, что марксизм (как и близкие ему идеологии) не желает ничего понять — он хочет только использовать, приспособить

собрать, или, как сказали бы Бахтин и Волошинов, «вступить в диалог». В этом смысле они были прозорливее Ромма: чутко уловив социальный заказ, они попытались философски обосновать «бунт самоутверждающегося читателя против навязанных ему авторитетов»¹⁷. Их антифилологическая ненависть к «мертвым-письменным-чужим языкам» и к «изолированным-законченным-монологическим высказываниям»¹⁸ воистину делает их ближайшими предшественниками современного постмодернизма.

А. Б., Н. В.

1.¹⁹ Критикуя Соссюра, Волош<инов>, в конце концов, исходит не из языка, а из *говорящего*, из его психологии²⁰; его об'ективные доводы — их 1 <= один> — изменяемость языка²¹ — опровергаются легко (совокупность систем и 2 направления изменения: аналогич<е ское> выравнивание и проникновение варваризмов²²). Остальное сводится к утверждению, что и говорящему система *не предстоит*, а предстоит слушатель и необходимость оформления в контексте²³. Но как *das zu formende* <= формируемое>, так и контекст *заданы* в своем лингвист<ическом> значении *всем обществом*, всей соц<иальной> группой, понимающей данн<ый> язык²⁴<, > [(И чем шире адресат, тем уже возможности индивидуации речи, чем [шире возможности <нрзб>]<, тем> глубже всенародность воздействия. Вульгаризмы стиля Ленина — результат его направленности на широчайшие массы. Сциентифизмы его языка — это то, чему он хочет эти массы *научить*²⁵.)]²⁶ говорящей на данн<ом> языке. Можно спорить<:> «не хочу читать стихи» или «стихов», но<, > во всяк<ом> случае<, > не «стихах»²⁷. Получается, что двое могут говорить как угодно: нет, спо собы их говорения определяются народом, и не просто, а *через язык*. Блатной язык — выход за пределы легальн<ого> народа²⁸.

2. Наоборот, критикуя Фосслера, он только подводит новое философское обоснование. В самом деле, перенос центра тяжести с говорящего на диалог есть лишь логич<еский> вывод из всей фосле ровой <sic!> системы, и к этому фослерианцы <sic!> подходили до В<олошинова>²⁹. Он правильно додумывает Фосслера <sic!> до истины, и для этого необходима философская ревизия: от психологии говорящего к социальной жизненной идеологии, т<о> е<сть> к среде, лежащей между говорящими³⁰.

Но эта среда, эта каша борьбы и становления яз<ыковых> форм в их *применении* есть лишь эм<пирия>. Ее необходимо расчлениить. Для этого надо *додумать до истины* и Соссюра. Тогда мы получим

поправки (многочленность говорящего коллектива, т<о> е<сть> вза имно понимающего, см. Чехов и двойной способ движения³¹). Прав Фосслер, что есть творчество в движении языка и что в нем есть «дух, вкус»³² — та самая внутр<енняя> согласованность, о к<ото>рой го ворит Соссюр³³. Но прав и Соссюр, что то, что проникнуто<, > и то, что³⁴ меняется этим творческим способом, об<ективно>³⁵. Оно об<ективно, как конъюнктура <sic!> экономическая, как ситуация историческая. Оно определяет слово, к<а>к кон<ьюнктура <sic!> сделку, а ситуация — политический демарш. Диалектическое разрешение антиномии (а В<олошинов> показал антиномию полностью) может со стоять лишь в справедливом и полном принятии и снятии ее членов³⁶.

Диалектика языка:

1. Слово³⁷<;>
2. Система<;>
3. Взаимодействие (историч<ески> — слово на язык (и язык на слово)³⁸, биографически — язык на слово)³⁹<.>

Система де С<оссюра> плодотворна в том смысле, что только она может дать *грамматику*, а грамматика есть тот пункт, в к<ото>ром лингвистика связывается с требованиями жизни. Далее, только на ее фоне можно выделить *стилистич<еские>* (в специф<ическом> смысле) явления, т<о> е<сть> поставить лингвистику на службу ли тературоведения⁴⁰. Только на ее почве можно, напр<имер>, дать нормативную теорию перевода. Практическая ценность Фосслера мне неясна — он работает на основе [порицаемой] грамматики, выросшей из его антагонистов⁴¹. Впрочем, она дает «слово» для отступлений, для творчества<:> это важно.

Теоретич<еская> ценность об<ективизма — в том, что он давал неполную истину, но истину. Он и только он в немарксистском языке коведении ясно осознал и сформулировал социальную природу языка и слова.

Рационализм и романтизм сыграли оба свою роль в становлении диалектической философии. Нельзя снимать положительную роль Декарта <2 нрзб> и Спинозы (Юрий⁴²), надо понять их диалектически.

Рационализм был выражением абсолютистского централизма. Мы стоим сейчас в полосе *централистической диктатуры* и идем к демократическому *централизму* социалист<ического> об<ществ>а. Абсолютизм снимается, централизм остается. Это есть рационализм — плановость<.> [Специально в лингвистике подлинные <?>] Постепенновство Волошинова (от одного к двум⁴³) есть, в сущности, теория

организованной бесхозяйственности, выражение правого уклона⁴⁴. Соссюр ценен тем, что он подчеркивает элемент социальной *принудительности*⁴⁵, тогда как Фосслер создает буржуазную иллюзию *свободы* собеседников. В социалистическом обществе снимается (снимается неподвижность Соссюра), но принудительность остается⁴⁶.

Выделив в бесформенной эмпирии Волошинова (особым анализом показать, что в ней сливаются все моменты⁴⁷) принудительные элементы *словаря и грамматики*⁴⁸, т<о> е<сть> языка (не забыть о северно-великорусской вопросительной интонации⁴⁹), мы находим тот объективный момент *слова*, который прозван Соссюром, прозван и Волошиновым, хотя не говорить о нем не может ни тот ни другой. Это есть то, что *manet* <= остается, сохраняется>, истинный *ἔργον* языка и говорения. Именно игнорирование этого элемента делает конструкцию де-Соссюра абстрактной (проверить⁵⁰), и во всяком случае оно делает абстрактной принципиальную позицию В<олошинова>, т<ак> к<ак> всякое игнорирование объективного элемента объективно равняется абстрагированию. Показать, как Волошинову приходится учитывать слово в анализе конкретных фактов (III часть). Учение о слове — литературоведение, история литературы, риторика. Типы слова. Но связь с контекстом общения — бесконечно ценное *открытие* Волошинова⁵¹.

Надо, впрочем, сказать и то, что историческое слово, вырванное из контекста, входит в контекст современности, становится его частью и живет в нем, как живое. Только способностью его к такому отрыву определяется его длительность⁵².

18. XII. 29

19. XII. 29.

Правда, Фосслер очень живо ухватывает часть *процесса* истории языка; но, *во-первых*, он учитывает только один из его существенных моментов (вкус, внутр<енний> дух, т<о> е<сть> выравнивание, аналогию⁵³), упуская второй — вторжение «чужих» элементов. Между тем именно в этом втором моменте сказываются социальные сдвиги, победы новых групп<.> Первый есть, в сущности, консервативный момент — момент внутренней консолидации, логической стабилизации господствующей системы (см. *де Соссюра*)⁵⁴<,> тогда как второй есть

элемент революционный, антитетический. Ср. франц<узскую> Ака демию, distingué. Distinction русск<ого> высш<его> о<бщест>ва через франц<узский> язык. Пушкин, просвирни, Вяземский (гостин<ый> двор) и обуржуазивание России в I полов<ине> XIX в.⁵⁵, и т. д. Аристократический романтизм Фосслера — аристократический классицизм Соссюра⁵⁶. Но у нас сейчас господствующий класс — пролетариат. Этот «вкус» есть та самая аналогия, о к<ото>рой говорит и Соссюр⁵⁷.

Во<->вторых, схватывая неполно (т<о> е<сть> абстрактно) процесс, Фосслер оставляет его без субстрата. Он говорит о том, как меняется, не определяя, что меняется⁵⁸. И Волошинов — за ним. Таким образом:

1) история языка остается без предмета⁵⁹;

2) не учитывается [существенная консервативная] действующая в ней⁶⁰ сила. Не учитывается ситуация, в которой всегда половина ключа к процессу (см. мое рассуждение о каузальности и телеологии в истории и биографии от 1927 года⁶¹). Ведь изменения происходят в языке, исходя из его форм, они<->то и меняются, «творчество» форм не свободно, но определяется языком, как общеобязательной для всего коллектива формой общения.

Теоретическая, систематическая необходимость понятия языка показана во вчерашнем наброске. Но оно, как видим, необходимо и для конструирования истории языка⁶².

Нельзя спорить о том, ερων <sic!> ли язык или ενεργεια <sic!>. И то и другое, к<a>к государство, к<a>к конъюнктура и т. д. То же самое — и в области слова, которое необходимо выделить, к<a>к особое понятие. Филологизм не только был, но и остается основой культуры, или, если хотите, идеологии⁶³. Разве не из работ Маркса и Ленина вычитывают теперь ответы на теории, возникающие после их смерти? И разве не сопоставлением их занимается Сталин и всякий другой большой работник⁶⁴? И разве сочинения М<аркса> и Л<енина> уже не требуют комментария, ибо обстановка, породившая их, ушла в историю? И разве через 50 лет, через 100 лет к Ленину не потребуются и языковой комментарий, как и сейчас он требуется и Марксу для русских? А ведь Ленин не для одних русских, как Маркс не для одних немцев, писал. Вместе с проблемой «чужого слова» Волошинов снимает проблему слова вообще — и так же неправомерно⁶⁵. Пока человеческая деятельность и мысль питаются словом, пока ска-

занное учителем остается небезразличным для учеников, пока сказанное врагом нуждается в опровержении, а другом — в поддержке, — проблемы слова, цельного слова, проблемы интерпретации не только трансцендентной, но и имманентной, остаются основной проблематикой всякой идеологии. И наша великая эпоха подтверждает это, создавая новый материал филологической интерпретации, но оставив нетронутыми ее методы. Я думаю, это можно показать на [святоотеческой] патристике⁶⁶.

Мы стоим перед задачей создания специфической науки о слове, его типах и формах. Здесь — то, что я говорил в Кунцеве⁶⁷. Здесь — хулиганские и импрессионистические попытки Шпета⁶⁸. Здесь — вся генерика⁶⁹, поэтика, риторика. Здесь *история слова* и *теория слова*.

И опять таки, изучение $\epsilon\rho\omega\nu$ <sic!> будет связано с $\epsilon\nu\epsilon\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha$ <sic!> говорения, в данном случае <—> писания⁷⁰.

Слово 1) *определяется* и языком, и эмпирией говорения< ;>

2) *определяет* и язык (история), и эмпирию говорения< .>

Второе особенно важно. Живой пример с Лениным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикуется впервые. Печатается по черновому автографу [Российский государственный архив литературы и искусства (= РГАЛИ), ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 77, л. 1—4]. Пространные цитаты из заметок Ромма (с неточностями, иногда искажающими исходный смысл) см. в статье: Е. А. Тоддес, М. О. Чудакова, 'Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка: (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы)', *Федоровские чтения 1978*, Москва 1981, 238—240.

² Для нас практически очевидно как «соучастие» Бахтина и Волошинова в работе над книгой, так и почти полная невозможность однозначного и доказательного ответа на вопрос, каков был подлинный вклад каждого из соавторов (из новейшей литературы см., в частности: Н. Васильев, 'М. М. Бахтин или В. Н. Волошинов? К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М. М. Бахтину', *Литературное обозрение*, 1991, № 9, 38—43; С. Г. Бочаров, 'Об одном разговоре и вокруг него', *Новое литературное обозрение*, 1993, № 2, 71, 73—79; 'К истории книги В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка»: (Публикация и подготовка текста Н. А. Панькова; Вступительная статья В. М. Алпатов)', *Известия Российской академии наук, Серия литературы и языка*, 1995, т. 54, № 3, 63—66; В. М. Алпатов, 'Книга «Марксизм и философия языка» и история языкознания', *Вопросы языкознания*, 1995, № 5, 108—110; ср. письмо М. М. Бахтина В. В. Кожинину от 1.III 1961: 'Письма М. М. Бахтина', Вступительная статья, примечания и подготовка текста В. В. Федорова, *Литературная учеба*, 1992, кн. 5/6, 145; 'Из писем М. М. Бахтина', Подготовка текста, публикация, вступительная заметка и примечания В. В. Федорова, Москва, 1992,

№ 11/12, 176; а также: 'Разговоры с Бахтиным', [Магнитофонная запись В. Д. Дувакина], Текст подготовлен В. Ф. Тейдер и М. В. Радзишевской, Комментарии С. Г. Бочарова, *Человек*, 1993, № 6, 146; и др.). Любопытно, что ни в одной из своих авторизованных работ Бахтин не упоминает имен и трудов Волошинова и П. Н. Медведева, тогда как двое последних ссылаются на самих себя и друг на друга (и даже полемизируют). В архивах бывшего КГБ сохранился экземпляр «Марксизма и философии языка» с дарственной надписью Медведеву: «Павлу не только „дружески“, но и с любовью. Валентин 19²³_Т29». (Выражаем признательность Ю. П. Медведеву, сообщившему текст волошиновского автографа.)

³ См.: В. Державин, [Рецензия на книгу:] В. Н. Волошинов, *Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке*, Ленинград 1929', *Критика*, № 4 (15), 94—97 (на украинском языке); Я. Лоя, [Рецензия на книгу:] В. Н. Волошинов, *Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке*, Ленинград 1929', *На литературном посту*, 1929, № 8, 72—73; Р. Шор, [Рецензия на книгу:] В. Н. Волошинов, *Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке*, Ленинград 1929', *Русский язык в советской школе*, 1929, № 3, 149—154. Ни одну из этих рецензий, даже не упомянутых в статье В. М. Алпатова, нельзя назвать «резко отрицательной» (В. М. Алпатов, *Указ. соч.*, 108): первые две скорее сочувственные, третья — сдержанно критическая.

⁴ Эта сторона жизни Ромма освещена несколько подробнее. См.: Е. А. Тоддес, М. О. Чудакова, *Указ. соч.*, 236, 240—245; М. И. Шапир, 'Приложения: Комментарии; Библиографии; Указатели', Г. О. Винокур, *Филологические исследования: Лингвистика и поэтика*, Москва 1990, 303—305, 308 примеч. 25; Он же, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', *Russian Linguistics*, 1994, vol. 18, № 1, 74—75, 86—87, 99 примеч. 7, 8, 100 примеч. 12, 103 примеч. 33, 34; 'Протокол заседания Московского лингвистического кружка 26 февраля 1923 г.', Публикация, подготовка текста и примечания М. И. Шапира, *Philologica*, 1994, т. 1, № 1/2, 191—198, 201 примеч. 24.

⁵ Работе Ромма над переводом соссюрского «Курса» посвящено ценное исследование Е. А. Тоддеса и М. О. Чудаковой, заключающее в себе, правда, целый ряд неточностей и лакун (некоторые из них исправлены и восполнены в статье: М. И. Шапир, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', 99 примеч. 8, 101 примеч. 18, 103 примеч. 34). Кроме того, для воссоздания истории этого перевода первостепенное значение имеют два письма Ромма Р. О. Якобсону, оставшиеся неизвестными Тоддесу и Чудаковой (6.V 1923 и 10.I 1924; см.: РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 105, л. 1—3): из них мы, в том числе, узнаём, что таинственным «ami gusse», намеревавшимся, как уверяли Ш. Балли и А. Сеше, переводить Соссюра на русский, действительно был С. О. Карцевский; что Якобсон согласился выступить посредником между Роммом, с одной стороны, и Балли и Карцевским, с другой; что в начале 1924 г. «вопрос об издании <...> перевода <...> снова всплыл из глубин госиздатовских канцелярий» и что Ромм собирался оканчивать перевод только в случае, если Карцевский «уступит» ему «свои права» (Там же, л. 3).

⁶ Единственный сборник стихов Ромма — «Ночной смотр» — вышел в 1927 г. В 1930-х годах Ромм написал и издал поэму «Дорога в Бикзян» (Уфа 1939).

⁷ О новых темах в творчестве Ромма дает представление дневниковая запись от 4.VI 1938: «*Что надо* в новой поэме: вредительский мотив — в мере, необходимой для смерти героя, но чтобы *не банально*. Для этого — строить не на технике (взять чтонибудь элементарнейшее, нагляднее: скажем, оттягивают постройку хлевов), а на взаимоотношениях с врагами народа гденибудь в райкоме или и выше. Выходит — как в „Чл<ене> Прав<ительства>“. Но и пускай. Зато у меня будет клевер не ради клевера, а ради БББ <?>, т. е. вся цепь: от кулацкого недобитка до фон-дер-Гольц паши и немецкого Генштаба, м<ожет> б<ыть> до Тиссена и Круппа <...> Но тогда срывается фраза: кто о тебе пожалеет? И хорошо, что срывается — она неверна, она могла зародиться в 1935 году. О каждой расстрелянной нами бляди жалеют в Берлине» (РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 80, л. 78—79).

⁸ Из большого (на 17 страницах) письма мы приведем лишь несколько выдержек: «<...> вот положение среднего командира: он боится, его не боятся, он *принижен*, командир корабля ему приказывает, заместитель по политчасти его воспитывает, он не имеет права купить бутылку вина <...> он покупает ее потихоньку и выпивает потихоньку, запершись <...> у себя в каюте, когда царский офицер приказывал вестовому подать ее на стол в кают компанию, сам пил и товарища угощал. Почему? Потому что мы *не доверяем* командиру, что он не надерется *на корабле*, как свинья»; «Пора отбросить необходимый в прошлом и *вредный* сегодня, лживый демократизм: командир *не должен быть* „всегда в гуще бойцов“, он должен появляться в этой гуще *изредка*, это должно быть *событием* <...> Власть, авторитет падают от слишком частого применения, от постоянного общения. Сколько раз в год выступал с речами и статьями Ленин, и сколько раз выступаете Вы? Это — не потому, чтобы Ленин был лично „демократичнее“ Вас, а потому, что за истекшее время бесконечно укрепился авторитет, укрепилась и выросла власть, честь партии и ее вождя: то, что Ленин только задумывал и *обещал* народу, Вы в огромной части уже *исполнили*. Вы теперь *оберегаете* авторитет, который тогда, вместе с Лениным, *завоевывали* <...> для партии, для того же Ленина, а тем самым и для себя»; «<...> после первого падения Керчи <...> помощник коменданта (или комендант) города <...> со смехом рассказал мне следующую историю: „нынче ночью иду я по городу. Навстречу мне — обход, трое сухопутных с винтовками. Я вижу, они дремлют на ходу. Подобрался поближе — как рывкну! Они винтовки побросали — и на четвереньках ходу. Ну, я их поднял, смеюсь над ними. А они тоже смеются: „та товарищ командир, мы ж думали, мабуть это протиуник!“» «И когда я ему сказал, что царские солдаты, увидев в такой позиции своего офицера, просто умерли бы от страха, потому что противник *еще<,> может быть<,>* пощадит, а уж офицер наверняка доложит и дело может кончиться *только* расстрелом — он задумался»; «Я мог бы писать Вам бесконечно, дорогой Иосиф Виссарионович, учитель мой и вождь, открывший мне глаза на жизнь и мое место в ней, каждый день спасающий мою жизнь и свободу. Но, кажется, главное я уже сказал, и, что еще важнее, Вы, если у Вас будет время читать мое письмо, давно уже поняли все, что нужно. Простите, что я пишу так длинно и местами вольно, — но раз уж решился затруднять Сталина, так надо говорить напрямую все, что накипело — и не у меня одного, я много беседовал и с командирами, и с краснофлотцами». «Желаю Вам много сил и здоровья, больше нечего пожелать обладателю такого счастья, каким владеете Вы, — счастья человека, ведущего величайший в истории бой во главе всего человечества, и побеждающего

в этом бою — в этом бою, где человечество окончательно доказывает, что оно научилось управлять своей судьбой в интересах полной, ничем неурезанной Правды. Маркс и Энгельс только учили этому теоретически, Ленин одерживал только первые победы, Вам выпало на долю быть Прометеем раскованным, Прометеем победителем». «Живите долго, отец» (РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 110, л. 3 об., 6, 8, 9).

⁹ 1.XI 1943 сестра Ромма, Ида Ильинична, обратилась с письмом к бывшему начальнику своего брата: «Меня интересует все: кем работал; где работал; как проявлял себя политически <...> непосредственные обстоятельства самоубийства; текст предсмертной записки; заключение врачей в результате вскрытия <...> Если Вы не сочтете удобным пересылать подобного рода сведения по почте, то я не сомневаюсь, что Вы легко можете найти оказию в Москву среди его товарищей писателей» (РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 200, л. 1—2; ответного письма нет). Ср. также свидетельство В. А. Мясоева, боевого товарища Ромма: «Чума культа — страшная зараза. Не раз Саша ставился в такое положение, когда совершенно белое, надо было окрашивать в чёрное и чёрное в белое». «У него был прямой и честный метод оценки обстановки. Он не стеснялся называть чёрное — чёрным. Не уверен, что всем это нравилось». «Саша оценивал Харьковскую катастрофу <sic!> весной 1942 года, в результате которой гитлеровцам удалось дойти до Волги, именно так, как об этом пишется и говорится сегодня. Он честно говорил о том, что это военная ошибка, свидетельствующая о том, что Сталин не представлял действительного положения на фронте <...> Мы (я особенно), совершенно убеждены в том, что А. И. Ромма не следовало отрывать от нашего коллектива и посылать работать в редакцию. Он этого чертовски не хотел <...> Саша хотел быть в море, а не за столом литературного правщика <...> Насилие над художником страшнее тюрьмы» [из письма М. И. Ромму от 9.VII 1962; РГАЛИ, ф. 844 (М. И. Ромм), оп. 2, ед. хр. 46, л. 1—2].

¹⁰ Явная «несправедливость» по отношению к Соссюру, верно подмеченная Роммом, определила, среди прочего, «индекс цитируемости»: Фосслер и фосслерианцы упоминаются в книге приблизительно в два с половиной раза чаще, чем Соссюр и его ученики (ср.: В. М. Алпатов, Указ. соч., 113 примеч. 5, 116—117 и др.).

¹¹ РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 77, л. 1 об.

¹² W. von Humboldt, *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, Berlin 1836, 41.

¹³ F. de Saussure, *Cours de linguistique générale*, Publié par C. Bally et A. Sechehaye avec la collaboration de A. Riedlinger, Lausanne — Paris 1916, 30; Р. Шор, 'Кризис современной лингвистики', *Яфетический сборник*, Ленинград 1927, [вып.] V, 71 и др.; В. Н. Волошинов, *Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке*, Ленинград 1929, 64, 117, 173, 175.

¹⁴ См. об этом: М. И. Шапир, 'Приложения...', 275—276 примеч. 19.

¹⁵ РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 77, л. 3 об.

¹⁶ В. Н. Волошинов, Указ. соч., 88. Ср.: «Мы оставляем в стороне мелкие неточности, которыми отличаются рассуждения Волошинова о филологии и о средневековой литературе» (Р. Шор, [Рецензия на книгу:] В. Н. Волошинов, *Марксизм и философия языка...*, 149 [стб. 2] примеч. 1; В. М. Алпатов, Указ. соч., 114—115).

¹⁷ М. Л. Гаспаров, 'М. М. Бахтин в русской культуре XX в.', *Вторичные моделирующие системы*, Тарту 1979, 113.

¹⁸ В. Н. Волошинов, Указ. соч., 88.

¹⁹ Приписано позже карандашом.

²⁰ По уверениям Волошинова, он исходит не из языка и не из психологии говорящего, а из «социальной среды»: «<...> наука об идеологиях ни в какой степени не зависит от психологии и на нее не опирается» (В. Н. Волошинов, Указ. соч., 20; ср. примеч. 59).

²¹ Для «абстрактного объективизма», согласно Волошину, «в высшей степени характерен своеобразный *разрыв между историей и системой языка* в ее внеисторическом, синхроническом <...> разрезе»: «<...> между логикой языка, как системы форм, и логикой его исторического становления нет никакой связи <...> В обеих сферах господствуют совершенно разные закономерности» (В. Н. Волошинов, Указ. соч., 66, 68). Это же замечание сделал А. А. Буслаев во время обсуждения сосюрковского «Курса» в МЛК (5.III 1923): «Язык, по де Соссюру, есть система, нечто замкнутое в себе и неизменное. В то же время он усматривает в нем исторические изменения» (Е. А. Тоддес, М. О. Чудакова, Указ. соч., 243).

²² На системный характер изменений в языке Ромм указывал еще в 1923 г., предвосхитив, таким образом, «идеи, которые были выдвинуты в конце 20-х годов Н. С. Трубецким, Р. О. Якобсоном и С. О. Карцевским» и «закреплены в тезисах Пражского лингвистического кружка, а также в тезисах Ю. Н. Тынянова и Р. О. Якобсона „Проблемы изучения литературы и языка“» (Там же, 238, 243—244). Ср.: «Резкое противопоставление между синхроническим (статическим) и диахроническим разрезом было еще недавно как для лингвистики, так и для истории литературы оплодотворяющей рабочей гипотезой <...> В настоящее время завоевания синхронической концепции заставляют пересмотреть и принципы диахронии <...> История системы есть в свою очередь система <...> каждая синхроническая система имеет свое прошлое и будущее как неотделимые структурные элементы системы (а. архаизм как стилевой факт <...> б. новаторские тенденции в языке и литературе, осознаваемые как инновация системы)» (Ю. Тынянов, Р. Якобсон, 'Проблемы изучения литературы и языка', *Новый лев*, 1928, № 12, 36 сл.).

²³ См.: В. Н. Волошинов, Указ. соч., 81—82, 101—103, 111—112. В этом взгляде на языковую коммуникацию не было ничего нового. Ср., например: «<...> язык предполагает не только пользование им говорящим субъектом, но одновременно и понимание его слушающим. В этом смысле язык есть некая система, которая <...> обладает социальной значимостью и немислима вне определенной среды» (Г. Винокур, 'Поэтика. Лингвистика. Социология: Методологическая справка', *Лев*, 1923, № 3, 105).

²⁴ Последние три слова приписаны сверху карандашом.

²⁵ В 20-е годы языку Ленина был посвящен специальный выпуск журнала «Лев» со статьями В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума, Л. П. Якубинского, Ю. Н. Тынянова, Б. В. Казанского и Б. В. Томашевского [*Лев*, 1924, № 1 (5), 53—148; см. также: А. Крученых, *Язык Ленина: Одиннадцать приемов Ленинской речи*, Москва 1925; Л. Якубинский, 'Ленин о «революционной фразе» и смежных явлениях', *Печать и революция*, 1926, кн. 3, 5—17].

²⁶ Зачеркивания воспроизводятся выборочно — в той мере, в какой помогают следить за мыслью автора.

²⁷ Ромм имеет в виду полемику Пушкина с М. А. Дмитриевым по поводу некоторых особенностей глагольного управления при отрицании: «Что гласит грамматика? Что

действ.<ительный> глагол, управляемый отриц.<ательною> частицею, требует уже не вин.<ительного>, а род.<ительного> п.<адежа>. Напр.<имер>: я не пишу стихов. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицею *не*, а глаголом *хочу*. Ergo правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее: Я не могу вам позволить начать писать... *стихи*, а уж конечно не *стихов*» (Пушкин, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград] 1949, т. XI: Критика и публицистика, 1819—1834, 147; см. также: М. И. Шапир, 'Приложения...', 322 примеч. 31).

²⁸ О «воровском языке (Gaunersprache)» ср.: K. Vossler, *Geist und Kultur in der Sprache*, Heidelberg 1925, 15, 188—189. В дореволюционные и первые послереволюционные годы воровского арго была посвящена большая литература: Н. Смирнов, 'Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского — «Петербургские трудобы»', *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук*, 1899, т. IV, кн. 3, 1065—1087; В. Ф. Трахтенберг, *Блатная музыка: («Жаргон» тюрьмы)*, Под редакцией и с предисловием И. А. Бодуэна де Куртенэ, С.-Петербург 1908; *Словарь воровского и арестантского языка*, Составил В. М. Попов, Киев 1912; Т. В. Чуканова, 'Жаргон преступников', *Вестник Права*, 1916, № 33, 781—784; 'Для словаря Даля: (Спекулянтско-налетческий тюремный жаргон)', Подслушал и записал В. Ирецкий, *Вестник литературы*, 1921, № 4/5, 17; П. Фабричный, 'Язык каторги', *Каторга и Ссылка*, № 6, 177—188; Р. Шор, *Язык и общество*, Издание 2-е, Москва 1926, 105—106; Н. Хандзинский, 'Блатная поэзия', *Сибирская Живая Старина*, Иркутск 1926, вып. I (V), 81—83; Н. Виноградов, 'Условный язык заключенных Соловецких Лагерея Особого Назначения', *Материалы Соловецкого Общества Краеведения*, вып. XVII, 14—46; *Словарь жаргона преступников (блатная музыка)*, Составил С. М. Потапов, Москва 1927; Б. А. Ларин, 'О лингвистическом изучении города', *Русская речь, Новая серия*, Ленинград, [вып.] III, 70—71 и др.; А. М. Селищев, *Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926)*, Москва 1928, 75—81, 206—209, 225—226; П. Я. Черных, *I. Современные течения в лингвистике; II. Русский язык и революция*, Иркутск 1929, 55—57; и др.

²⁹ См., например, исследование Л. Шпитцера, посвященное изучению итальянской разговорной (диалогической) речи (L. Spitzer, *Italianische Umgangssprache*, Bonn — Leipzig 1922; ср.: В. Н. Володинов, Указ. соч., 29 примеч. 1, 112). Ср. также: K. Vossler, а. а. О., 7—10.

³⁰ См.: Там же, 57; ср. примеч. 59.

³¹ Очевидно, Ромм опирается на анализ «драматургической техники» Чехова, проведенный в книге С. Д. Балухатого, который считал, что в чеховских пьесах происходит отказ от однолинейности сценического действия и от тематического единства в построении диалогов: «психолого-натуралистический» театр Чехова имитирует бытовой диалог с его разнообразием тем и аморфным составом участников. Ср.: пьеса «Три сестры» «построена <...> на принципе параллельного движения нескольких драматических линий. Пьеса не организована преимущественной ролью одного лица»; «<...> сюжетные линии пьесы <„Вишневый сад“ — А. Б., Н. В.> развернуты контрастным движением характеров, распределенных по двум противопоставленным группам». Новаторской чертой «в диалоговедении» чеховской драмы является «замена организованного <...> движения одной темы дезорганизованными движениями ряда тем перебиваемых, раз-

рываемых <...> сменяющихся немотивированно; диалог организуется бытовым и эмоциональным образом» (С. Балухатый, *Проблемы драматургического анализа: Чехов*, Ленинград 1927, 128, 154, 167). В 1929 г. имя Чехова было «на слуху» в связи с широко отмечавшейся 25-летней годовщиной со дня смерти.

³² Ср.: «Задача языкознания <...> показать, что дух (Geist) — это единственная действительная причина всех языковых форм» (K. Vossler, *Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft: Eine sprach-philosophische Untersuchung*, Heidelberg 1904, 63; и мн. др.); «Только там, где менталитет (Gesinnung) и вкус (Geschmack) согласованы и взаимосвязаны, язык оказывается в своей стихии и является самим собой» (K. Vossler, *Geist und Kultur in der Sprache*, 209; и мн. др.).

³³ Ср.: «Язык есть система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимосогласованности (solidarité)» (F. de Saussure, *Op. cit.*, 127 и др.).

³⁴ Последние четыре слова приписаны сверху чернилами другого цвета.

³⁵ Этот пассаж Ромма построен по модели волошиновских выводов из первой части: «Антипсихологизм прав, отказываясь выводить идеологию из психики <...> Однако, прав и психологизм. Нет внешнего знака без внутреннего знака» (В. Н. Волошинов, *Указ. соч.*, 50, ср. 111—112).

³⁶ Ср.: Там же, 98.

³⁷ Основополагающее понятие «слова» в рецензии Ромма приблизительно соответствует понятиям «высказывания» и «речевого акта» в монографии Бахтина — Волошинова (см.: Там же, 27, 72 и др.), с той только оговоркой, что в «Марксизме и философии языка» «высказывание» («речевой акт») преподносится как русский аналог сосюрковского «la parole» (см.: Там же, 72), тогда как у Ромма «la parole» передается термином «говорение» (см.: Е. А. Тоддес, М. О. Чудакова, *Указ. соч.*, 234—235; М. И. Шапир, *Приложения...*, 275 примеч. 9; Он же, *М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха*, 101 примеч. 18). Последний термин, предложенный А. А. Буслаевым в МЛК в мае 1922 г., встречается в рецензии Ромма пять раз, причем очевидным образом противопоставляется не только «языку», но и «слову»: «Слово 1) *определяется* и языком, и эмпирией говорения»; «2) *определяет* и язык <...> и эмпирию говорения» (РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 77, л. 4). Если «язык» и «говорение» изучает лингвистика, то «слово» — это объект филологии. Это понятие в концепции Ромма, судя по всему, во многом синонимично одноименному понятию у Г. Г. Шпета: «<...> „с л о в о“ <...> берется, как комплекс чувственных дат, не только воспринимаемых, но и претендующих на то, чтобы быть понятиями, т.е. связанных со смыслом или значением <...> Слово есть *prima facie* с о о б щ е н и е <...> Слово есть архетип культуры; культура — культ разума, слова — воплощение разума» (Г. Шпет, *Эстетические фрагменты*, Петербург 1923, [вып.] II, 7 и др.). Об объеме понятия «слово» у Шпета можно судить на основании следующего: «Что такое „одно“ слово или „отдельное“ слово, определяется контекстом. В зависимости от цели, из данного контекста, как отдельное слово, может быть выделен то один, то другой звуковой комплекс <...> „Ход“ есть отдельное слово, также „пароход“, также „белыйпароход“, также „большойбелыйпароход“, также „явизубольшойбелыйпароход“ итд. Синтаксическая „связь слов“ есть также слово, следовательно речь, книга, литература, язык всего мира, вся культура — слово» (Там же, 9—10; ср. примеч. 68). Ср. ответ Ромма (18.X

1928) на письмо приятеля, «не вполне свободное от шпетовского словесного суеверия»: «Ты признаешь, что отдельное слово не имеет смысла — и тут же безоговорочно признаешь смысл за полным „словом“ — высказываньем» (РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 105, л. 3; ср. примеч. 42 и 51).

³⁸ Слова в скобках приписаны сверху карандашом.

³⁹ Соссюр подчеркивал, что «язык одновременно и орудие и продукт речи» (F. de Saussure, *Op. cit.*, 38—39). Ср.: языковые «правила <...> почерпнуты грамматической наукой из самой речевой действительности <...> определяя наше говорение, правила эти <...> сами, в свою очередь, определяются нашим же говорением, т.-е., в конечном счете, тем, что они же определяют. Иными словами — собственно язык, грамматическая структура языка, как явления социального, есть лишь отграниченное определенными рамками поле для нашей языковой деятельности. Это — база, отправляясь от которой, и оставаясь в рамках которой, мы все же **творим** наш язык» (Г. Винокур, 'Поэтика. Лингвистика. Социология...', 107; ср. также: В. Державин, *Знач. прая, 95*).

⁴⁰ Эти рассуждения Ромма, по всей видимости, восходят всё к той же работе Г. О. Винокура: «Какие бы крупные индивидуальные отклонения мы ни встречали в речи того или иного говорящего, мы всегда должны помнить, что отклонения эти есть **именно отклонения** от нормы, а не ничем не связанные психофизические отправления <...> различие между собственно языком и говорением — есть ничто иное, как различие между **языком вообще и стилем**» (Г. Винокур, 'Поэтика. Лингвистика. Социология...', 107; ср.: Ю. Тынянов, Р. Якобсон, *Указ. соч.*, 37).

⁴¹ С этой точки зрения показательна книга: K. Vossler, *Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung: Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur klassischen Neuzeit*, Heidelberg 1913.

⁴² О ком идет речь, установить не удалось; наверное, приятель Ромма. Вполне вероятно, именно ему адресовано большое неоконченное письмо с обращением «Дорогой Егорушка» (18.X 1928), в котором Ромм рассуждает на темы философии языка (РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 105, л. 3—4; см. примеч. 37, 51 и 68).

⁴³ То есть от монолога к диалогу: «<...> слово является двусторонним актом. Оно в равной степени определяется как тем, чье оно, так и тем, для кого оно. Оно является <...> продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим» (В. Н. Володинов, *Указ. соч.*, 102, 113).

⁴⁴ Слово *постепенновство* навеяно лексиконом Ленина (см.: В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, Издание 5-е, Москва 1964, т. 44: Июнь 1921 — март 1922, 221; ср. 1962, т. 36: Март — июль 1918, 208; А. М. Селищев, *Указ. соч.*, 178), о выражении которого Ромму напомнил один из авторов «Правды»: «<...> после революции в **конкретной исторической обстановке** приходится иногда прибегать „к реформистскому“, постепенновскому, осторожно-обходному методу действий“, если дело нельзя решить сразу, „штурмовой атакой“» (Г. Стрельцов, 'О теории «мирного вращивания кулака в социализм» и классовой борьбе', *Правда*, 1929, 5 декабря, № 285, 5). Цитируемая статья — одна из последних, посвященных «правому уклону» и опубликованных непосредственно перед началом работы Ромма над рецензией. Теория «организованной бесхозяйственности» (см.: Н. Bente, *Organisierte Unwirtschaftlichkeit: Die ökonomische Gestalt verbeamteter Wirtschaft und ihre Wandlung im Zeitalter des gesamtwirtschaftlichen Kapitalismus*, Jena 1929), вызвавшая некоторое сочувствие у Бухарина

[см.: Н. Бухарин, 'Теория «организованной бесхозяйственности»', *Правда*, 1929, 30 июня, № 147, 3—5; и др.], пыталась осмыслить ростки «плановости» в государственно-монополистическом капитализме. Партийными оппонентами Бухарина эта теория, подводящая экономический фундамент под тезис о «мирном вращении капитализма в социализм», была расценена как «один из существенных элементов всей системы правого уклона» (Е. Варга, 'Основные проблемы «организованного капитализма»', «*Организованный капитализм*»: *Дискуссия в Комакадемии*, [Москва] 1930, 5). Характерно, что меньше, чем через три года, проявление «правого уклона» увидели в работах Волошинова Н. Я. Золотов и Ф. П. Филин (их отзывы, однако, начисто лишены сочувствия, которое по отношению к рецензируемой книге, несомненно, испытывал Ромм): «Главной опасностью в языкознании является правый уклон. Кто в языкознании „использует всевозможные формы маскировки, прибегая к тончайшей фальсификации марксизма-ленинизма“? Правый уклон. Кто, как не правый уклон, стал знаменем, собирающим и группирующим вокруг себя все реакционные элементы в языкознании? <...> Правая опасность в языкознании выражается в замазывании классово-борьбы, в завуалированной защите буржуазного учения о языке, в поддержке буржуазных лингвистов, прикрывающихся „социологизмом“ и марксистской фразой (Волошинов, Винокур, Шор и др.)» (Н. Я. Золотов, 'Против буржуазной контрабанды в языкознании', *Против буржуазной контрабанды в языкознании: Сборник бригады Института языка и мышления АН СССР*, Ленинград 1932, 12—13; ср.: Ф. П. Филин, 'Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа «Языко-фронт»', Там же, 30).

⁴⁵ Ср.: F. de Saussure, *Op. cit.*, 106 и далее.

⁴⁶ «Причудливая „ресциологизация“, которой «Ромм подвергает Соссюра» (Е. А. Голдес, М. О. Чудакова, *Указ. соч.*, 238), была подказана и даже отчасти навязана идиоматикой рецензируемой книги (ср.: В. Н. Волошинов, *Указ. соч.*, 97).

⁴⁷ Ср., например: «Знак не может быть отделен от социальной ситуации»; «<...> проведение строгой границы между грамматикой и стилистикой <...> методологически нецелесообразно, да и невозможно» и т. п. (Там же, 48, 148 и др.).

⁴⁸ Последнее слово, начинающее новую страницу, Ромм подчеркнуть забыл.

⁴⁹ Не признавая реальности за «абстрактной системой языковых форм», Бахтин и Волошинов провозгласили «основною реальностью языка» «социальное событие речевого взаимодействия»: «Все разобранные нами типы переживаний с их основными интонациями чреваты и соответственными образами и соответственными формами возможных высказываний. Социальная ситуация всюду определяет — какой образ, какая метафора и какая форма высказывания <...> может развиваться из данного интонационного направления переживания» (Там же, 113, 106 и др.; ср. примеч. 59). Возражение Ромма, по всей вероятности, должно было заключаться в том, что интонация речи обусловлена не только социально-психологическими, но и чисто лингвистическими факторами: в языке интонация грамматикализована и обладает не меньшей принудительностью, чем лексика, морфология или синтаксис (при этом в северно-великорусских говорах интонация менее подвижна, чем на юге).

⁵⁰ По-видимому, Ромм думал опровергнуть «субъективно-отрицательный» аспект языковедческой теории Соссюра: «В лингвистике объект вовсе не предшествует точке зрения — напротив, можно сказать, что точка зрения создает самый объект»; «<...> в

языке нет ничего, кроме различий. Более того: обычно различие предполагает существование положительных элементов (termes), между которыми оно устанавливается; но в языке есть только различия без положительных элементов» etc. (F. de Saussure, Op. cit., 23, 172 и др.).

⁵¹ Ср.: «Смысл слова всецело определяется его контекстом. В сущности, сколько контекстов употребления данного слова, — столько его значений» (В. Н. Волошинов, Указ. соч., 95, 119—127). Ср.: «Конкретное значение отдельная лексическая единица получает только в контексте и от контекста <...> Да и тут значение ее остается существенно неполным, частичным, элементарным: полное конкретное значение имеет весь текст, высказывание, слово <...> одно и то же высказывание всегда имеет одно и то же значение — но в разных обстоятельствах, или, что то же, контекстах — может иметь совершенно разный смысл <...> подходя к смыслу, мы уже имеем дело собственно не со СЛОВОМ, а с СОБЫТИЕМ, ЯВЛЕНИЕМ, немедленно включающимся в ряды каузальных, телеологических, функциональных и других связей <...> Я могу сказать человеку: „вы подлец“. Значение этих слов вполне очевидно и легко переводится на любой язык — но смысл будет совершенно тот же самый, как если я молча плюну ему в лицо. Не всегда, но иногда слово есть поступок, и в этих случаях смысловая его интерпретация идет точно так же, как если бы этот поступок и не был словом. Утверждая за слово<м> смысл, мы выражаемся метафорически. Смысл принадлежит не слову, а ОБОЗНАЧАЕМОМУ, тому положению вещей (Sachverhalt), которое обозначается словом» [из письма А. И. Ромма приятелю (18.X 1928); РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 105, л. 4]. Скорее всего, под «бесконечно ценным открытием Волошинова» (Там же, ед. хр. 77, л. 2 об.) Ромм имеет в виду не контекстуальную обусловленность смысла — это общее место почти всякой герменевтики (ср.: Г. Шпет, 'Герменевтика и ее проблемы' [1918], *Контекст-1989: Литературно-теоретические исследования*, Москва 1989, 265 примеч. 49), — а зависимость структуры и семантики высказывания от собеседника («другого») и от ближайшей коммуникативной ситуации (см. примеч. 43).

⁵² Ср.: «Понятие литературной синхронической системы не совпадает с понятием narrowly мыслимой хронологической эпохи, так как в состав ее входят не только произведения искусства, хронологически близкие, но и произведения, вовлекаемые в орбиту системы из иностранных литератур и старших эпох» (Ю. Тынянов, Р. Якобсон, Указ. соч., 37; ср.: В. Н. Волошинов, Указ. соч., 109).

⁵³ Аналогии как важнейшему фактору истории языка в значительной мере посвящена книга: K. Vossler, *Sprache als Schöpfung und Entwicklung: Eine theoretische Untersuchung mit praktischen Beispielen*, Heidelberg 1905, 24 сл., 106 сл. Ср.: «<...> аналогия <...> есть язык как развитие» (Ebd., 46).

⁵⁴ См.: F. de Saussure, Op. cit., 110 и др. Ср.: «По отношению к живому языку формально систематическое грамматическое мышление неизбежно должно было занять консервативно-академическую позицию» (В. Н. Волошинов, Указ. соч., 93, 32; В. Державин, *Знач. праця*, 95).

⁵⁵ Ср.: «<...> не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (Пушкин, Указ. соч., 149; см. также: М. И. Шапир, 'Приложения...', 268 примеч. 8, 10). О том, что неверно «было бы понимать эти заявления как призыв к превращению литературного языка в крестьянское или мещанское просторечие» (Г. О. Винокур, 'Пушкин и русский язык',

А. С. Пушкин, 1837—1937, Москва 1937, 40), неоднократно писал еще Вяземский: «Немного парадоксируя, Пушкин говаривал, что русскому языку следует учиться у просвирен и лабазников; но, кажется, сам он мало прислушивался к ним и в речи своей редко простонародничал» (П. Вяземский, *Старая записная книжка*, Редакция и примечания Л. Гинзбург, Ленинград 1929, 279). О «языке лабазников», которых Вяземский вложил в уста Пушкину, в действительности высказывался Дмитриев: «Дмитриевъ говоритъ, что новые писатели учатся Русскому языку у лабазниковъ. Въ этомъ отношеши виноватъ немного и Пушкинъ. Онъ совѣтоваль прислушиваться рѣчи просфирней и старыхъ няней <...> Впрочемъ, онъ самъ мало пользовался преподаваемымъ имъ совѣтомъ» (П. А. Вяземский, *Полное собрание сочинений*, Издание гр. С. Д. Шереметева, С.-Петербург 1879, т. II: [Литературные критические и биографические очерки], 1827 г. — 1851 г., 361; ср.: П. Вяземский, *Старая записная книжка*, 123, 264).

⁵⁶ Ср.: К. Vossler, *Geist und Kultur in der Sprache*, 209 Anm. 1; В. Н. Волошинов, Указ. соч., 99.

⁵⁷ Последнее предложение приписано позже; по смыслу оно связано не с концом, а с началом абзаца. О лингвистической аналогии см.: F. de Saussure, *Op. cit.*, 227—243; ср.: В. Н. Волошинов, Указ. соч., 68.

⁵⁸ Ср.: «Язык никогда не бывает вполне реален, ибо всегда находится в становлении» etc. (К. Vossler, *Geist und Kultur in der Sprache*, 14 и далее).

⁵⁹ Для Бахтина — Волошинова «предметом философии языка» является не язык, а «социальная ситуация» общения: «<...> необходимо прежде всего нащупать реальный предмет — объект исследования <...> Если мы выделим звук как чисто акустический феномен, то языка, как специфического предмета, у нас не будет <...> Если мы прибавим физиологический процесс производства звука и процесс его звукового восприятия, то все же не приблизимся к своему объекту. Если мы присоединим переживание (внутренние знаки) говорящего и слушающего, мы получим два психофизических процесса <...> и один физический звуковой комплекс <...> Языка, как специфического объекта, все нет как нет <...> единство социальной среды и единство ближайшего социального события общения — совершенно необходимые условия для того, чтобы указанный нами физико-психо-физиологический комплекс <...> мог бы стать фактом языка-речи» (Там же, 55—57, 102—103; ср.: Я. Лоя, Указ. соч., 72; Г. О. Винокур, 'Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике' [1945?], *Вопросы языкознания*, 1957, № 2, 69; В. М. Алпатов, Указ. соч., 117).

⁶⁰ Последние три слова приписаны сверху карандашом.

⁶¹ Ромм имеет в виду свое «Письмо о судьбе» (3.XII 1927) — опыт «филологической интерпретации» слов и понятий «судьба», «назначение», «рок», «доля, участь, удел», «жребий» и др. (см.: РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 49, л. 1—28; М. Л. Гаспаров, '«Письмо о судьбе» Александра Ромма', *Понятие судьбы в контексте разных культур*, Москва 1991, 215—226).

⁶² См. примеч. 22.

⁶³ Это яркий пример оформления несобственно-прямой речи, передача «чужого слова». Понятие «культуры» для Ромма «свое», понятие «идеологии» — всё-таки «чужое», в данном случае — бахтинско-волошиновское. Ср. первую главу рецензируемой книги — «Наука об идеологиях и философия языка»: «Область идеологии совпадает с

областью знаков. Между ними можно поставить знак равенства. Где знак — там и идеология. *Всему идеологическому принадлежит знаковое значение*; «Слово — идеологический феномен *par excellence*» (В. Н. Волошинов, Указ. соч., 17, 21 и др.).

⁶⁴ Не исключено, что книга Бахтина — Волошинова попала в число источников, которыми пользовался Сталин: название его брошюры «Марксизм и вопросы языкознания» ([Москва] 1950) трудно не соотнести с «Марксизмом и философией языка». На концептуальные схождения между Сталиным и предшественниками указал А. М. Эткинд (см.: А. Эткинд, *Эрос невозможно: История психоанализа в России*, С.-Петербург 1993, 398—399). Следует только иметь в виду, что идеи Бахтина — Волошинова, пришедшие по вкусу вождю, были ими почерпнуты у Б. Кроче и Шпета (см.: М. И. Шапир, 'Приложения...', 314—315).

⁶⁵ Ромм вовсе не утверждает, будто Волошинов «снимает» проблему «чужого слова» (Е. А. Тоддес, М. О. Чудакова, Указ. соч., 248 примеч. 34), однако он полагает, что в этой проблеме Волошинов растворяет «проблему слова вообще»: призывая рассматривать всякий монолог как имплицитный диалог, Волошинов тем самым неправомерно исключает самую возможность изучения высказывания как законченного целого — *ἔρῳν* (ср.: В. Н. Волошинов, Указ. соч., 87—88, 113—115, 132—134 и др.; М. Л. Гаспаров, Указ. соч., 112).

⁶⁶ Эта реплика Ромма в его диалоге с создателями «Марксизма и философии языка» вызвана их инвективами *contra philologiam*: «В основе тех лингвистических методов мышления, которые приводят к созданию языка, как системы нормативно тождественных форм, лежит *практическая и теоретическая установка на изучение мертвых чужих языков, сохранившихся в письменных памятниках* <...> эта филологическая установка <...> определила всё лингвистическое мышление европейского мира. Над трупам письменных языков сложилось и созрело это мышление; в процессе оживления этих трупов были выработаны почти все основные <...> навыки этого мышления». «Филологизм является неизбежной чертой всей европейской лингвистики» (В. Н. Волошинов, Указ. соч., 85 и далее; ср.: Р. Шор, [Рецензия на книгу:] В. Н. Волошинов, *Марксизм и философия языка...*, 150).

⁶⁷ Что имеется в виду, к сожалению, выяснить не удалось.

⁶⁸ Развивая логико-лингвистические и семиотические идеи Гуссерля, Шпет одним из первых привлек внимание русских филологов к проблеме структуры знака. В бумагах МЛК сохранился протокол обсуждения его доклада «Эстетические моменты в структуре слова» [14.III 1920; см.: Институт русского языка РАН, Рукописный отдел, ф. 20 (Московский лингвистический кружок), л. 83—84; Г. Шпет, *Эстетические фрагменты*, 1922—1923, [вып.] I—III; Он же, *Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта*, Москва 1927; М. И. Шапир, 'Приложения...', 273 примеч. г, 286 примеч. б, 305—306, 314—316 и др.; ср. примеч. 37].

⁶⁹ Под «генерикой» Ромм, очевидно, понимает теорию литературных (и речевых) жанров.

⁷⁰ Весь последующий текст приписан позже карандашом.